

Реки и дороги: пространственное поведение и мышление у различных групп населения Северо-Западной Сибири.

Истомин Кирилл Владимирович

Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (Сыктывкар), Россия
e-mail: kistomin@naver.com

Как хорошо известно психологам-когнитивистам, восприятие географического пространства человеком – как, впрочем, и всякой человеческое восприятие вообще [см. Солсо, 2006, сс. 86 -90] – ни в коей мере не является простым отражением «объективной реальности»: пространство, как мы его воспринимаем, в конструируется для нас нашим мозгом на основе нашего прошлого опыта взаимодействия с окружающей средой, причем так, чтобы повысить эффективность такого взаимодействия в будущем [Kaplan 1973]. Получающиеся в результате этого процесса конструкторы – ментальные образы географического пространства или, как их чаще называют, «ментальные карты» [Kaplan 1973; Downs and Stea 1977] – закономерно различаются между индивидами и группами [Allen 1999; Murray and Spencer 1979], в том числе и между представителями различных культур. При этом речь идет не только о конкретном наполнении «ментальных карт», различия в котором, в том числе обусловленные культурой, интуитивно понятны: действительно, вряд ли кого-то может удивить, что ментальная карта, скажем, оленевода-ненца будет включать, например, пространственное расположение участков оленьих пастбищ различного качества, в то время как ментальная карта той же территории в голове охотника или рыбака, например, будет вместо этого включать расположение гораздо большего количества удобных мест для постановки капканов и силков, устройства охотничьего лагеря, установки сетей и т. д. Гораздо более интересны, однако, различия в самой структуре ментальных карт, которые также часто имеют культурную специфику. Действительно, в отличие от различий в наполнении ментальных карт, различия в их структуре отражаются на широком спектре пространственного поведения их носителей, не зависящем от конкретного вида деятельности [Golledge 1999].

Одним из важнейших особенностей структуры ментальных карт является их иерархично-региональный характер [McNamara, Hardy, and Hirtle 1989]. Все люди воспринимают пространство, состоящим из набора больших регионов, которые в свою подразделяются на регионы меньшего размера, также делящиеся на более мелкие регионы и т. д. Количество таких иерархичных уровней может отличаться, однако характерно, что каждый из уровней имеет определенную организацию, некие оси, вокруг которых выстраивается географическая информация. Для большинства современных образованных людей наивысшие уровни регионализации составляют континенты и страны. Региональная организация ментальной карты играет важнейшую роль в планировании и структурировании пространственного поведения индивида прежде всего потому, что именно она определяет восприятие дистанции, содержание таких понятий, как «далеко» и «близко»: точки, находящиеся в различных регионах ментальной карты, всегда воспринимаются как более

удаленные, чем точки, находящиеся в одном регионе, причем расстояние между точками воспринимается тем больше, чем более высокий статус имеет разделяющая их региональная граница. Это правило не зависит от реального расстояния между точками. Например большинство жителей России считают, что расстояние между Петербургом и канадским городом Квебек больше, чем расстояние между Петербургом и Петропавловском-Камчатским, в то время как на самом деле верно обратное. Управляя восприятием расстояния, регионализация ментальной карты оказывает важное влияние и на выбор направления социальных контактов и на их плотность.

Из сказанного понятно, что региональная структура ментальной карты может опираться как на особенности естественного рельефа местности, так и на социальные или политические границы, как это происходит, когда на определенном уровне регионализации границы регионов ментальной карты совпадают с границами стран или других административных регионов. Часто случается, впрочем, что эти границы совпадают, что отражает объективную тройную взаимосвязь и взаимозависимость между особенностями рельефа местности, плотностью социальных связей и социальными границами, и ментальной картой местности. Эта тройная взаимосвязь, однако, в любом случае опосредуется культурой. Так автор настоящей работы в одной из своих предыдущих публикаций показал, что важным фактором, структурирующим ментальные карты коренного населения северо-востока Европейской части России и западной Сибири сразу на нескольких уровнях, является гидрология региона их проживания [Istomin and Dwyer 2009]. Для проживающих в этих регионах ненцев и коми, а также, судя по всему, хантов и русского старожильческого населения Архангельского севера (хотя данные по последним двум группам получены автором из персональной коммуникации с коллегами) характерно деление местности на большие регионы, совпадающие с бассейнами крупных рек. Эти регионы далее делятся на подрегионы совпадающие с бассейнами крупных притоков основной реки и т. д. На нижнем иерархическом уровне местность делится на урочища, располагающиеся по ручьям и мелким речкам, впадающим в водную артерию образующую ось региона более высокого уровня. Границы между регионами всех этих уровней проходят по водоразделам речных бассейнов. Такая структура ментальных карт кажется вполне оправданной, учитывая, что реки в этих регионах, долгое время лишенных дорог, традиционно играли роль основного средства сообщения. Интересно, однако, что среди населения, ведущего традиционный образ жизни, эта система сохранилась и после появления дорог, причем она часто ведет к очень характерным ошибкам в оценке расстояний. Так в южной части Республики Коми жители бассейна Вишеры (крупный приток Вычегды) считают, поселки и села по реке Вымь (другой крупный приток Вычегды) расположенными «очень далеко», «дальше Сыктывкара», хотя объективно это не так. Еще более интересно то, что регионализация пространства по рекам воспроизводится в административно-территориальном делении регионов. Как автор показал в другой работе [Шабаев и Истомин, 2017, сс. 100 - 102], административные границы на северо-востоке европейской России традиционно следуют водоразделам рек, причем многие из них существуют столько же, сколько существует само административное деление (у таких границ несколько раз менялся статус, но не местоположение).

Полевые данные, собиравшиеся среди кочевого, и по оседлому старожильческому населению (включая русских и коми) Ямало-ненецкого автономного округа показывают, что в представлении большинства из них север западной Сибири на три больших региона. Первый регион включает Бассейн реки Обь, охваты-

вает, таким образом, большую часть таежной зоны региона. Этот регион делится на подрегионы, занимающие бассейны различных притоков Оби; их количество варьирует в зависимости от знакомства информатора с этим регионом. Второй регион включает тундровую часть Ямало-ненецкого округа, «там, где ненцы-оленеводы живут» и в нем информаторы обычно выделяли как подрегионы Урал, Ямал, Надымскую тундру и Гыдан (включая Тазовскую тундру). Наконец третий регион – «там где Пяки и селькупы живут» – составили облесенные бассейны рек Пур и Таз. Эти бассейны по отдельности составляют основные подрегионы этого региона. Такое деление пространства проявлялась как в специальных интервью, так и в биографических рассказах, где часто можно было слышать, как кто-то «Пришел с Оби», «Ушел на Пур-Таз», откочевал на Ямал и т. д. Иными словами, за исключением «тундрового» региона, который выделяется скорее по принципу экологической зональности, мы здесь имеем дело с типичным «гидрологическим» структурированием ментальной карты (заметим, что на более детальных уровнях регионализации этот принцип применяется в тундровом регионе). Интересно, что как и в случае северо-востока европейской части, такая «речная» структура ментальной карты в значительной мере совпадает с административно-территориальным делением территории. Так «Обский» регион в общем совпадает с Ханты-Мансийским автономным округом с прибавлением Шурышкарского район ЯНАО. Границы «Пур-Таза» совпадают в основном с границами Пуровского и Селькупского административных районов ЯНАО с возможным прибавлением части Тазовского района (хотя то, насколько нижняя, тундровая часть Таза входит в этот регион, вопрос спорный. По крайней мере часть местных информаторов явно считали ее скорее частью тундрового региона). В тундровом регионе большинство выделяемых подрегионов совпадает с соответствующими административными районами ЯНАО

Вместе с тем, описанные ментальные карты характерны именно для старожильческого населения, по большей части ведущего традиционный образ жизни. Восприятие пространства у большей части приезжего и городского населения ЯНАО, как показали наши опросы, отличается от описанного как по структуре регионализации, так и по ее принципам. В их ментальных картах также выделяется три больших региона, однако расположены они совершенно не так, как на картах описанных выше. Первый из этих регионов включает территорию вдоль железной дороги Тюмень-Новый Уренгой, а также местности, имеющие с ней непосредственное дорожное сообщение. Он, таким образом, включает в себя всю восточную половину ХМАО и ЯНАО, включая город Надым и Надымскую тундру. К этому же региону, видимо, следует отнести Гыданскую тундру, хотя на ментальных картах пришлого населения она обычно не фигурирует вовсе. Второй большой регион включает запад ЯНАО – г. Салехард, Ямальский, Уральский и Шурышкарский районы. Этот регион мыслится объединенным дорожной сетью с северным приуральем. Наконец третий регион составляет запад Ханты-мансийского автономного округа, соединенный транспортной сетью и железной дорогой с Екатеринбургской областью. Как видно, основным структурирующим принципом такого восприятия является дорожная сеть, характер покрытия которой определяет границы регионов.

Несовпадение структуры ментальных карт двух групп ведет к совершенно различному восприятию ими расстояний, социальных связей и даже административных аффилиаций. Так многие жители городов и рабочих поселков восточной части ЯНАО убеждены, что Салехард, в котором некоторые из них никогда не бывали, находится от них территориально дальше, чем г. Сургут (что объективно неверно).

Некоторые жители городов Новый Уренгой и Надым считали также, что поселок Яр-Сале, центр Ямальского района, находится от них очень далеко – еще дальше, чем Салехард. Это мнение диаметрально противоположно мнению оленеводов-кочевников, которые считают, что Яр-салинская тундра и Хенская сторона в непосредственной близости к Надыму территориально весьма близки: разделяющая их Обская губа преодолевается оленеводами в одну, хотя и очень длинную, перекочку. Из представления о территориальной удаленности Салехарда и вообще западной части ЯНАО проистекает в частности и представление о неоправданности существующего территориального деления: многие информаторы из восточной части ЯНАО жаловались исследователю на удаленность окружного центра, а несколько всерьез развивали мысль о необходимости формирования отдельной единой административной территории из восточных частей ЯНАО и ХМАО со столицей в городе Сургуте.

Различия в восприятии географического пространства двумя описанными группами очевидно проистекают из различия в образе жизни и средствах сообщения, т.е. из культурных факторов. Сравнение их показывает один из путей влияния культуры на человеческое сознание, а через него – на социальное поведение и даже политические идеи.

Список литературы:

- Солсо, Р. Когнитивная психология. 6-е изд. СПб.: Питер, 2006. 589 с
- Шабаев, Ю. П., Истомин К. В. Территориальность, этничность, административные и культурные границы: коми-ижемцы (изъватас) и коми-пермяки как «другие» коми. // Этнографическое обозрение. 2017. № 4. С. 99–114
- Allen, Gary L. Spatial Abilities, Cognitive Maps, and Wayfinding: Bases for Individual Differences in Spatial Cognition and Behavior. // *Wayfinding Behavior: Cognitive Mapping and Other Spatial Processes*, edited by Reginald G. Golledge. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1999. Pp. 46 – 80.
- Downs, Roger M, and David Stea. *Maps in Minds: Reflections on Cognitive Mapping*. New York: Joanna Cotler Books, 1977. 230p.
- Golledge, Reginald G. Human Wayfinding and Cognitive Maps. // *Wayfinding Behavior: Cognitive Mapping and Other Spatial Processes*, edited by Reginald G. Golledge, 5–45. London: Johns Hopkins University Press, 1999. Pp. 5 – 45.
- Istomin, Kirill V., and Mark J. Dwyer. Finding the Way: A Critical Discussion of Anthropological Theories of Human Spatial Orientation with Reference to Reindeer Herders of Northeastern Europe and Western Siberia. // *Current Anthropology*. 2009, vol. 50, issue 1, pp. 29–49.
- Kaplan, Stephen. Cognitive Maps in Perception and Thought. // *Image and Environment: Cognitive Mapping and Spatial Behavior*, edited by Roger M Downs and David Stea, 63–78. London: Arnold, 1973. Pp. 63 – 78.
- McNamara, Timothy P., James K. Hardy, and Stephen C. Hirtle. Subjective Hierarchies in Spatial Memory. // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 1989, vol. 15, issue 2, pp. 211–27.
- Murray, Debra, and Christopher Spencer. Individual Differences in the Drawing of Cognitive Maps: The Effects of Geographical Mobility, Strength of Mental Imagery and Basic Graphic Ability. // *Transactions of the Institute of British Geographers*. 1979. Vol. 4, issue 3, pp. 385–91.